

После того как Сяо Ду ушёл, я расспросил слуг и узнал, что его победа на состязаниях по верховой езде и стрельбе действительно сильно укрепила положение среди подданных. Ведь легенда о Хоу И, сбившем девять солнц, лежит в основе Царства Мянью, и все его жители почитают себя потомками Хоу И. Потому-то придворные сановники и придают такое значение успехам принцев в этом испытании. Сяо Ду, сбивший девять солнц, естественно, был воспринят как новое воплощение Хоу И, человек, отмеченный Небом. Этим утром, когда Сяо Лань явился на аудиенцию, сразу несколько министров высказались в поддержку Сяо Ду, и главным среди них был великий жрец Фэй Янь.

Положение Фэй Яня при дворе было исключительно весомым. Он приходился мне дальним родственником, некогда был близок с моей покойной матерью, госпожой Юй, и со мной также поддерживал тесные связи. Именно он когда-то возвёл меня на трон. Хотя Сяо Лань, опираясь на свою супругу из рода Мэн, и смог захватить остатки влияния моей приёмной матери, вдовствующей императрицы Мэн, поколебать позиции Фэй Яня и его сторонников ему не удалось. Ибо Фэй Янь — жрец, а жрецы суть глас богов, а боги — сила высшая.

Отныне, как бы ни невзлюбили Сяо Лань и прочие принцы Сяо Ду, им придётся считаться с волей жреца.

Поразмыслив, я втайне порадовался: если бы не то, что Сяо Ду сам проявил себя на состязаниях, этому полукровке, этому ни на кого не опирающемуся отродью, за его постоянные дерзости перед Сяо Ланем, пожалуй, досталось бы куда сильнее, чем просто заточение в покоях.

Нет, нужно найти случай втолковать этому волчонку, чтобы он сблизился с Фэй Янем, — нечего портить себе хорошую игру.

К вечеру я велел Шунь Дэ приготовить немного снадобий и яств, приложил к ним свою нательную нефритовую подвеску с кровавыми прожилками и отослал всё это Сяо Ду. Но волчонок оказался сущим неблагодарным щенком! Шунь Дэ доложил, что, когда он прибыл в Северные покои, где обитал Сяо Ду, тот сидел с обнажённым торсом, переписывая священные тексты, а спина его была исполосована свежими, сочащимися кровью рубцами — зрелище душераздирающее.

Услышав, что вещи присланы мной, Сяо Ду даже не удостоил их взгляда. Лишь подвеску Шунь Дэ сумел всунуть меж свитков — ту он принял, а всё остальное вернул обратно в неприкосновенности, не передав ни единого слова.

Что ж это за дела?

Принял подвеску, а ответа не прислал? Всё ещё дуется?

А если он перестанет меня слушаться?

Глубокой ночью я лежал на ложе, ворочаясь с боку на бок, и чем больше размышлял, тем меньше мог сомкнуть глаз. Нужно было самому повидать Сяо Ду.

С тех пор как меня подвергли мягкому заточению, днём я не мог действовать из-за соглядатаев Сяо Ланя, но ночами отнюдь не сидел сложа руки. Побывав императором, я отлично знал все потаённые ходы дворца и, конечно, ведал, куда ведёт каждый. Правда, Сяо Лань, опасаясь моего побега, приказал усилить стражу на всех путях, ведущих за стены, да и гвардия вне дворца мне более не подчинялась. Выбраться наружу я не мог, но перемещаться внутри покоев — не составляло труда. Другое дело, что, выбравшись из тайного хода, я оказывался в немалой

опасности.

Поговорить с Сяо Ду было не так-то просто. Мало передать что-то у дверей — нужно было проникнуть в его опочивальню. Дабы не привлечь внимания, я взял с собой Шунь Дэ, а сам переоделся служанкой из прачечной при Управлении гардероба. Под предлогом доставки чистой одежды мы благополучно проникли в Северные покои, где обитали принцы, и вошли в покои Сяо Ду.

Дорога далась мне нелегко. Таща стопку чистого белья, я едва волочил ноги, будто нёс тяжкий камень, и лишь опираясь на стену, мог кое-как передвигаться. К тому времени, как я добрался до опочивальни Сяо Ду, стоять я уже не мог.

Постучал несколько раз — ответа не последовало, хотя внутри светился огонёк и мелькала чья-то тень.

Меня обуяло нетерпение. Я вытер рукавом капельки пота со лба. Я, снизойдя до положения презренной служанки, соблаговолит явиться сюда, дабы поделиться с отродьем мудрым советом, а оно ещё и нос воротить собирается? Тогда я попросту откажусь от этой пешки!

Постучал снова — снова тишина. Тогда я просто толкнул дверь и неслышно вошёл внутрь. Тут же мои уши уловили прерывистое, тяжёлое дыхание. Свет свечи был тускл, в покое царил полумрак. Прикрыв рот ладонью, я крадучись приблизился и в скупом свете разглядел, что весь пол усеян пергаментными свитками, испещрёнными мелкими иероглифами. Сяо Ду лежал ничком на ложе, выгнув спину дугой и уткнувшись лбом в стену. Его обнажённая, жилистая спина была исполосована рубцами от плетей, некоторые ещё сочились кровью. Смуглая кожа лоснилась от пота и при каждом движении тела отливала, словно драконья чешуя. Любой бы понял, чем он занят.

Мне стало неловко — прерывать ли юнца? Пятнадцать-шестнадцать лет — возраст, когда страсти бушуют, а он под домашним арестом, наложниц вызвать не может... Не мудрено, что прибегает к утехам собственными руками.

Тьфу, явился не вовремя.

Пока я колебался, в горле не вовремя запершило, и я не сдержал лёгкого покашливания.

Дыхание Сяо Ду оборвалось. Он резко повернул голову, уставился на меня и, тяжело дыша, помолчал мгновение, после чего произнёс: «Ты... подойди. Обсужь меня.»

Я на миг остолбенел, но затем сообразил: я стою спиной к свету, и парнишка меня не узнал.

На душе стало потешнее. Я раскрыл было рот, но простуженное горло отказалось издавать звук. Пришлось подойти. Не успел я достичь ложа, как Сяо Ду внезапно поднялся, вцепился мне в руку и рванул на постель. У волчонка оказалась чудовищная сила — я, не ожидая такого, очутился прижатым к ложу под ним.

Во мне вспыхнул гнев. Кто посмел бы так со мной обойтись? Но, сколь ни ярился, издать звук не мог и вырваться — тоже. Его руки вцепились в полы моего платья и грубо рванули. С характерным треском ткань рассеклась, обнажив грудь.

«Ты!» — лишь тогда Сяо Ду осознал, что перед ним не женщина. Движения его замерли. Я же, воспользовавшись моментом, рванулся и отвесил ему звонкую пощёчину. Возглас упрёка застрял в горле, вылился в приступ насадного кашля. Сяо Ду в испуге скатился с ложа на пол.

Я же, сверля его гневным взором, увидел, как он поспешно натянул одеяло, дабы прикрыть срам, и опустился на колени у постели, не смея поднять головы: «Дя... Дядя-император!»

Гнев помутил мне зрение. Я приподнялся, поправил разорванную одежду, давясь кашлем.

«Дядя-император... как вы здесь оказались? Да ещё в таком виде?»

«Кх-кх... не в таком виде... как бы я сюда проник?» — я сделал глубокий вдох, изо всех сил стараясь подавить кашель. — «Ты...»

Аккуратно уложенные волосы рассыпались, падая на лицо. Со стороны Сяо Ду послышался шорох — когда я откинул пряди, он уже был в ночной одежде и одним движением задул свечу. Покои мгновенно погрузились в кромешную тьму.

Я нахмурился: «Зачем свет погасил?»

«Дядя-император, я помогу вам подняться.»

Едва Сяо Ду проговорил это, как его рука легла мне под спину, помогая сесть. Он что-то быстро вытащил из-под меня — моя ладонь на миг коснулась прохладного шёлка, но вещь тут же была сунута под ложе. Затем он отошёл, и в следующее мгновение в покоях вновь затеплился огонёк свечи.

Сяо Ду уселся передо мной, положив руки на колени, дабы прикрыть низ живота. Лицо его было бесстрастным, взгляд опущен, но в зелёных глазах мерцали отблески света. Уши горели багровым, однако голос звучал холодно: «Дядя-император, зачем пожаловали так поздно?»

«Навестить, проведать твои раны.» — у меня дёрнулось веко. Решив взять курс на мягкость, я подавил гнев и спросил:

— «Ты победил на состязаниях, стяжал славу. За что же отец тебя наказал? Из-за меня?»

«Нет!» — лицо Сяо Ду исказилось, и он тут же возразил. — «Дядя-император ни при чём! Это я нагрубил, оскорбил отца! Дядя-император... скоро рассвет, вам лучше уйти. С утра мне надлежит явиться к отцу с приветствием.»

Я вздохнул и усмехнулся: «Ты пострадал из-за меня, я это знаю. Ты — малый благодарный, я это запомню. Ну-ка, повернись, дай взглянуть на спину.»

Сяо Ду сидел недвижно, словно каменное изваяние.

Да что с этим волчонком? Я сделал лицо суровее: «Дуэр.»

Лишь тогда Сяо Ду пошевелился. Негнущимся движением повернулся ко мне спиной и молча стянул ночную рубашку до пояса.

Двадцать ударов плетью легли на совесть — спину ему практически исполосовали, кожа вздыбилась кровавыми рубцами.

Собственноручно... Сяо Лань и впрямь не щадит собственного сына.

Я достал из-за пояса баночку мази «Золотой нефрит», что передал Шунь Дэ, зачерпнул немного и начал наносить на раны.

Едва пальцы коснулись повреждённой кожи, Сяо Ду весь вздрогнул, мускулы напряглись:
«Дядя-император... я сам.»

Я усмехнулся и с нажимом провёл ладонью по спине: «Брось. До спины-то дотянешься? Больно — терпи. Что за тяжкие раны? Когда я на поле брани сражался, каких ран не хлебал — все заживали благодаря этой мази.»

Сяо Ду долго молчал, стоически снося мои манипуляции, и лишь закончив, выдохнул: «Дядя-император?»

<http://bllate.org/book/15952/1426283>